

Социально-классовое содержание и значение «Писем темных людей» как источника по немецкому гуманизму¹

«... В борьбе против претензий католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; ... всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и деловых людей городов, то он неизбежно находил сильный отклик в массах сельского населения. ...» (Энгельс. Соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 296).

«Всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой либо другой идеологической области, — в сущности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов». (Энгельс — Предисловие к «Восемнадцатое Брюмера», стр. 6, 1932 г.).

I

В конце XV века в Германии разворачивается борьба между гуманизмом и средневековым миросозерцанием, которая доходит до высшей точки своего развития во втором десятилетии XVI в. и находит свое наиострейшее литературно-сатирическое выражение в «Письмах темных людей». Эта борьба являлась своеобразным выражением классовой борьбы. Однако «П. т. л.» не были исключительным документом того времени; они являются только наиболее компактным выражением этой борьбы среди бесчисленного количества аналогичных по форме и характеру произведений гуманистов. В тех условиях литературное творчество в форме писем распространялось широко. Письма знаменитых людей были доступны не только адресатам, их читала вся образованная публика. Эти письма затрагивали часто очень глубокие научные, литературные и политические вопросы. К таким письмам можно отнести: приветственное письмо Агриппы Неттесгейма к Иоганну Цезарию, письма Пиркгеймера и, наконец, письма гуманистов по поводу спора между обскурантами и Рейхлиным, которые в 1514 г. были изданы в виде специального сборника.

Таким образом, «П. т. л.» были явлением обычным. Помимо такого рода писем, им предшествовало широкое распространение литературных произведений в форме сатиры (например, «Корабль глупцов»

¹ Анализ «Писем темных людей» мы начинаем без предварительного рассмотрения социально-экономического и политического состояния Германии в XV-XVI вв., так как это нами сделано в статье «Крестьянская война 1525 г. в Германии в сочинениях классиков марксизма-ленинизма», которая помещается в данном сборнике.

Сабастьяна Бранта, где вскрыты язвы обскурантизма под видом высмеивания пороков современного С. Бранту общества, «Глазное зеркало» Рейхлина, «Обструганный Экк» Пиркгеймера, «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского, «Защита Рейхлина против кельнских клеветников» и т. д.). Все это находилось в определенной связи с идеей «П. т. л.». Указанные произведения, а также аналогичные им, были этапом в развитии борьбы гуманистов с средневековой идеологией и подготовили условия для «П. т. л.». Сами же «П. т. л.» явились выражением обострившейся борьбы на более высокой ступени, тем самым были продолжением давно начатого дела¹.

«П. т. л.» появляются в разгар борьбы Рейхлина против обскурантов, в процессе которой, по выражению «Писем», весь образованный мир разделился на две партии: на рейхлинистов (т. е. гуманистов) и обскурантов. Они состоят из двух частей: первая часть вышла осенью 1515 г. в количестве 41 письма. В середине 1516 г. выходит третье издание первой части с дополнением в количестве 7 писем². Вторая часть выходит в свет в 1517 г. с 62 основными и 8 дополнительными письмами. За исключением некоторых писем, вошедших в сборник в поздних изданиях, всего в нем заключается 118.

«П. т. л.» являются прямым продолжением борьбы гуманиста Рейхлина против обскурантов, которая особенно ярко вспыхнула в 1509 г. в связи с конфликтом между Рейхлиным и Пфеефкорном о еврейских книгах³. Этот спор усилил давно происходящую борьбу. Основная цель «Писем» заключалась в сокрушении авторитета своего противника в лице темных людей (т. е. представителей позднего церковно-схоластического направления) и в защите Рейхлина. Поэтому не случайно то, что идея защиты дела Рейхлина тянется красной нитью на протяжении всех писем; чуть ли не в каждом письме в различной форме упоминается о деле Рейхлина.

Вопрос об авторстве «П. т. л.» является довольно сложным. Одно несомненно, что они являются результатом коллективного творчества гуманистов. Принято считать, что главным автором первой части является Крот Рубеан, которому и принадлежит идея написания и общая композиция⁴. Но в составлении «П. т. л.», конечно, принимали участие и другие гуманисты. Очевидно сотрудничали: Герман Буш, Яков Фукс, Герман фон Нузнар, Э. Гесс, Рейхлин и др. Несомненным автором, особенно второй части и дополнений к первой части (1 и 4 дошолн.), является Ульрих фон Гуттен.

¹ Против изолированного рассмотрения «П. т. л.» выступает и Brecht (см. 47 стр. его «Die Verfasser Epistolae obs. virogum». Изд. 1904 г.).

² На такой точке зрения стоит большинство исследователей, см. точку зрения Фейгера «История немецкого гуманизма», стр. 275. Куна, «Источники по реформации» т. II, его предисловие, 11 стр., Штрауса «Ульрих фон Гуттен», 152 стр.

³ Этот вопрос очень подробно излагается во всех работах буржуазных ученых. Автор только указывает на этот момент и считает необходимым отметить, что проблема ставилась узко и формально. Борьба гуманистов против обскурантизма развернулась уже раньше и этот спор явился новым толчком в ее усилении, а не началом.

⁴ На такой точке зрения стоит Brecht в своей «Die Verfasser Epistolae obs. virogum» (см. стр. 11, 17 и 45). Фейгер же первое место в формулировке названия и создании самих «Писем» отводит Гуттену (см. 275 ст. его «Истории немецкого гуманизма»).

Очень интересно, что по этому вопросу мы имеем ценнейшее замечание Энгельса, который в письме к Бернштейну разоблачает ошибку «Г. В.» о том, что «Письма темных людей» принадлежат Рейхлину, и констатирует, что «они возникли в его кругу, но ему принадлежит гораздо меньшая доля, чем Ульриху фон Гуттену»¹. Основное авторство Гуттена во II части «П. т. л.» доказывается хотя бы тем, что элементы реформации и нападки на римское папство здесь значительно сильнее и ярче. Относительно же участия Гуттена в составлении основного текста писем первой части (за исключением 1 и 4 дополнит. и может быть 14-го письма) говорить очень трудно².

Ввиду засилия обскурантов — представителей старой официальной идеологии с их системой шпионажа и преследований, борьба должна была вестись сугубо конспиративно; с этой целью авторы указывали различные вымышленные места их печатания. В конце второй части говорится, что они напечатаны «при Римской курии», а в конце дополнения во второй части указывается, что «в Берне печатан сей труд». Все это делалось для того, чтобы скрыть настоящие очаги гуманизма, одним из которых был Эрфуртский кружок. У читателей «Писем» получается впечатление, что «корреспонденты» Ортуина и других адресатов писали с различных мест. Первое письмо послано якобы из Лейпцига, четвертое из Виттенберга, пятое из Майнца, восьмое из Фрейбурга и т. д. По всей вероятности гуманисты исходили из предосторожности и очевидно хотели показать, что обскурантизм распространяется по всей Германии.

Являются ли «П. т. л.» надежным источником, характеризующим немецкий гуманизм, и какие стороны последнего в них освещаются? Отвечая на первую часть этого вопроса положительно, необходимо вскрыть своеобразный характер данного исторического памятника. Прежде всего, перед нами источник — памфлет, а не документ юридического характера. «П. т. л.» — **боевая карикатура на старую церковно-схоластическую науку и педагогику, на носителей этой старой отжившей культуры обскурантов** (в известной степени на всю идеологическую надстройку над феодальным базисом), но в основе этой карикатуры безусловно лежит историческая истина. Как ни преувеличен смех над теологами и самой теологией, основная характеристика исторически справедлива.

Обскуранты и гуманисты вели между собой ожесточенную борьбу, а «всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо другой идеологической области — в сущности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов»³. Борьба гуманистов против старого церковно-схоластического мирозерцания являлась борьбой

---

¹ Энгельс. Письмо к Эд. Бернштейну 1884 г. «Письма Маркса и Энгельса» (или Маркс и Энгельс, соч. т. XXVIII, стр. 408).

² Brecht говорит, что автором I части «Писем» Гуттен был причислен на основе не критического отношения к его некоторым неизданным письмам. Он в это время находился в Болоньи и только в 1516 г. получил известие о выходе писем (см. 17 стр. указанной выше его книги). Кун же считает, что 14-е письмо I ч. написано Гуттеном.

³ Энгельс, предисловие к «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

за новую идеологию — идеологию зарождавшейся городской буржуазии.

«Письма темных людей» были литературно сатирическим выражением этой борьбы немецкого гуманизма с поздним церковно-схоластическим мировоззрением. Поэтому судить о церковно-схоластической науке и гуманизме на основе только «П. т. л.» и без исторической критики последних, как памятника сугубо партийного, нельзя. Отбросив научно-историческую критику «П. т. л.», как своеобразного документа, судить по ним о средневековом мирозерцании и о самом гуманизме — означает судить с точки зрения гуманистов и с их позиций. При подобном подходе легко потерять историческую ориентировку и перспективу. Это может привести к утверждению, что церковно-схоластическая наука вообще никогда не соответствовала историческому развитию общества, тем более это может привести к идеализации гуманизма, который сам исторически был ограничен. При оценке немецкого гуманизма по «П. т. л.» всегда нужно иметь в виду, что они являлись оружием борьбы одного борющегося лагеря против другого. Своеобразие «П. т. л.», как источника, усугубляется еще тем, что в них не излагаются взгляды гуманистов позитивно.

Гуманистам часто приходилось излагать свои взгляды косвенно, что очень ярко проявилось в «П. т. л.». Здесь мы видим много примеров, когда гуманисты (составители писем) устами обскурантов восхваляли такие положения и поступки, против которых они вели непримиримую борьбу.

В «П. т. л.» не меньше и таких примеров, когда порицаемые обскурантами идеи были положительными идеями гуманизма. И не случайно поэтому А. Неттесгейм говорил: «Если кельнские магистры тебя ненавидят, то это является похвалой для тебя, их преследование — твоя слава, их козни — твой успех».

Ответ же на вторую часть поставленного вопроса может быть дан только в результате анализа «Писем».

Основная цель «Писем» заключалась в сокрушении старой церковно-схоластической науки, как составной части всего средневекового мирозерцания и засилия обскурантизма¹. Вместе с тем они были средством распространения гуманистических идей. Спор гуманиста Рейхлина с Пфеффорном о еврейских книгах явился толчком к усилению борьбы двух противных направлений. Борьба Рейхлина и выход «Писем» были звеньями одной цепи. Только в «Письмах» борьба приобретает более обостренный характер и поднимается на более высокую ступень.

Если подойти количественно, в «Письмах» больше материала о самих обскурантах. И это не случайно. Гуманисты понимали, что разрушить твердыню в лице средневековой теологии можно только в том случае, когда ее носители потеряют всякий авторитет.

Корреспонденты различных профессий (больше всего богословы), имеющие различные ученые звания, обращаются, главным образом, к

---

¹ Автор считает, что Штраус прав, отвергая мнение, будто Крот Рубеан (основной автор I ч. «П. т. л.») был только против варварских элементов в церкви: дело шло, конечно, глубже (см. кн. Штрауса, 169 стр.).

Ортуину Грацию с «величайшим почетом», реально же этот почет и преклонение перед Ортуином гуманистами выставляются как величайшая, насмешка. Ему посылают столько приветов, «сколько капель в море и сколько ханжей гуляет в Кельне на просторе»¹, «сколько волос в шкуре осла» и т. д.

Гуманисты показали все ничтожество ученого авторитета Ортуина, который слыл среди теологов за наиболее выдающегося. Выбор в качестве адресата именно Ортуина был обусловлен рядом обстоятельств: во-первых, прямые нападки на главных врагов, занимавших важное положение (как инквизитор Яков Гоогстратен) были не безопасны, во-вторых, Ортуин был своего рода ренегатом; он использовал гуманистическое образование для защиты обскурантизма. К нему то и были направлены все письма за исключением 31, 34, 35, 3-х дополнительных писем к первой части и 6—7 дополнительных писем ко второй части.

Если не считать вымышленных лиц, большему осмеянию подвергались О. Граций, Я. Гоогстратен, Пфевффеорн; подобный метод сокрушительного удара на главных лиц тоже имел значение в успехе гуманистов. При помощи такой тактики, гуманисты наносили удары по главному «штабу» обскурантизма.

Гуманистам не пришлось искать из ряда выходящих форм и методов борьбы. Для сокрушения обскурантизма они избрали их же оружие. В вымышленных письмах, обскуранты малюют себя ярко смешными красками. Невежество, разврат и варварство обскурантов высмеиваются по-варварски. Гуманисты сознательно коверкали имена обскурантов, добавляя к немецким корням латинские окончания. Остроумный подбор вымышленных имен соответствовал общей композиции самих «Писем». Он вскрывал всю пустоту и невежество обскурантизма. Имя автора 20-го письма II части выводится от слова «простак», автора 18-го письма — от слова «шут», автора 26-го письма означает «болван» или «глупец», имя автора 29-го письма выводится от слова «беспрозванный», 33-го письма от слова «тупоумный» и т. д.

Стиль писем соответствовал реальному стилю обскурантов, хотя гуманисты в этом не всегда выдерживали до конца. Сознательно коверкая орфографию и синтаксис латинского языка в духе обскурантов, гуманисты часто незаметно для себя переходят на изящный латинский язык.

Необходимо подчеркнуть еще одну внешнюю черту: гуманисты в «Письмах» стремились показать не только магистров и докторов богословия, но по возможности и их единомышленников, действовавших в других областях средневековой культуры, например, медиков.

Армия обскурантов (как и вся средневековая идеологическая система) стала тормозом дальнейшего прогресса.

Сословие прелатов и богословов становилось, по выражению Энгельса, «в значительной степени лишним, само подтверждая это своею все возрастающей леностью и невежеством»².

Негодование народных масс, и в частности гуманистов, против католического духовенства и теологов все больше возрастало.

¹ Намек на большое количество обскурантов — теологов в Кельне.

² Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 23, изд. 1932 г.

В выражении этого негодования против церковно-схоластического мирозерцания и господства обскурантов «боевой клич, — говорит Энгельс, — вышел от университетов и городских дельцов»¹, но этот клич «нашел сильный отклик в массах сельского населения у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу за самое существование»².

Особенно ярко презрение растущей буржуазии к господству обскурантизма выразили гуманисты в «Письмах темных людей». Поэтому необходимо показать наиболее яркие места из них.

II

В первом письме автор рассказывает о скотском обжорстве обскурантов. Они «выпили по 3 кружки мальвазии», сделали яичницу и в дополнение им подали «6 блюд». Переходя от одного блюда к другому, они пили все время вино и пиво. Это обжорство было устроено за счет нового кандидата в магистры, принимаемого в среду теологов. В 9-м письме Конрад из Цвиккау рассказывает Ортуину пошлости, добродушно оправдывая их священным писанием. Веселись юноша, — говорит он, — во юности твоей. Об этом же говорит 4-е письмо. Ведя праздную, бесполезную жизнь, обскуранты занимались обжорством. Они с величайшим наслаждением рассказывают о хороших блюдах и о вине. В лице магистра Курию «П. т. л.» показывают типа, которого жадность довела до того, что будучи на свадьбе у герцога Саксонского он ставил «горшок под стол и наливал его полным лучшим вином»³, а потом увозил с собой. Показываемые в «П. т. л.» пирушки магистров часто сопровождалась драками. Напившись пьяными, они проделывали самые пошлые вещи (4-письмо, 1 ч.). Под пером гуманиста (в 13-м письме) Конрад из Цвиккау, утопающий в разврате, восхваляет поступки Ортуина, оправдывая их священным писанием. Четвертое дополнительное письмо к первой части адресуется от Арнольда Тонгрского к Ортуину. Дело шло о видных представителях обскурантизма, поэтому гуманисты не пожалели красок. В письме речь идет о связи Ортуина с проституткой и Тонгрский цинично, как старший по ученой степени, предлагает Ортуину «жить с ней на общий счет». В 6-м дополнительном письме Панни-тонзор передает рассказ неизвестного, который якобы сообщил ему, как некий проповедник в Майнце «имел дело с блудницей в церкви перед алтарем». Он же передает Ортуину в качестве важной новости, как «один монах в гостинице пытался изнасиловать служанку, и как в Страсбурге монахи «привозили к себе в кельи женщин и остригали им волосы» для того, чтобы скрыть следы своей развратной деятельности. О подобном образе жизни духовных лиц рассказывает 21-е письмо I части. В «П. т. л.» монахи делятся на 3 разряда: «Во первых, святые и приносившие пользу, но они теперь уже на небе, во-вторых не приносившие ни пользы, ни вреда, их изображения в церквах; в-третьих, те, которые до сих пор живы: они очень вредны». Они «очень большие охотники до денег и кра-

¹ Энгельс, «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 21, изд. 1931 г.

² Там же (или соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. II, стр. 296).

³ См. 2-е и 3-е письма (в приложении к первой части).

сивых женщин»¹. Против последней категории (т.е. монахов здравствующих) гуманисты направили огонь своей борьбы. Они прямо утверждали, что монахи «вдруг так же, как самые плутоватые кабатчики»².

Итак «П. т. л.» в лице теологов, проповедников и монахов, как носителей старой ненавистной им культуры, показывают: обжор, пьяниц, лентяев и развратников. Благодаря ярким краскам и богатому колориту «П. т. л.», вся армия обскурантов выступает перед нами, как армия никому ненужных и вредных негодяев. Конечно, факты, призываемые здесь в большей части являются вымышленными, поступки безусловно карикатурно преувеличены, но в их основе есть реальная почва. В основном они правильно характеризуют разложение обскурантизма. В этом отношении они согласуются с другими памятниками и сообщениями эпохи.

Приведенные факты из «Писем темных людей» подтверждают правильность указаний Энгельса о разложении немецкого духовенства в поздний период средних веков. Духовенство, говорит он, «являвшееся представителем идеологии средневекового феодализма, не менее чувствовало на себе влияние исторического перелома. Изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли лишили его монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование. Разделение труда наступило в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов вытеснило духовенство из ряда влиятельных должностей. Оно также начало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своею все возрастающей ленью и невежеством. Но чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами. Они эксплуатировали своих подданных не только так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя еще более бесстыдно. Для того, чтобы вырвать у подданных последний пфенниг и умножить владения церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки — все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным средством мошенничества... Чтобы вырвать у народа еще большее количество денег, прибегали к изготовлению чудотворных икон и мошей, устройству благочестивых паломничеств, торговле индульгенциями, долгое время имея в этом большой успех»³.

О разложении старой культуры часто уже говорили представители самой церкви, желавшие очистить церковь от так называемой «порчи». Так же ясно, что «П. т. л.» в данном случае являются истинником, показывающим отношение немецкого гуманизма к обскурантизму. В этом вопросе они выразили ненависть развивающейся буржуазии к праздному монашеству и всей обскурантской братии. С известными, конечно, оговорками к немецкой буржуазии той эпохи можно применить некоторые черты английского пуританства, которые отмечены К.Марксом: «бережливость и скупость», — указывал он, — являются главной его

¹ Первое дополнительное письмо ко 2-й части.

² Там же.

³ Маркс и Энгельс, соч. т. VIII, стр. 120.

(пуриτανства — И. И.) добродетелью; много продавать, — мало покупать — такова его политическая экономия». Эта идеология молодой английской буржуазии эпохи первоначального накопления не была чужда и немецкой, хотя последняя в это время была значительно моложе и слабее.

Как показал «Краткий курс истории ВКП(б)», молодая буржуазия позднего средневековья хотела удешевить производство товаров, выбросить побольше товаров на рынки Азии и только что открытой Америки и получить побольше прибыли...¹

С точки зрения принципов ее политической экономии, вся армия обскурантов с ее паразитизмом была тяжелым бременем прогрессивного развития Германии.

Против скроенного по феодальному образцу средневекового мирозерцания, ставшего тормозом исторического прогресса, против представителей всей церковной системы поднимается недовольство большинства социальных групп Германии. Не говоря о недовольстве крестьян и плебеев, которые на своих плечах несли главную тяжесть церковного и феодального гнета вообще, поднимается недовольство дворян и буржуазии. Ненависть не только народа, говорит Энгельс, но и дворянства сосредотачивалась главным образом на прелатах и их бесчисленной, все более возрастающей с усилением политических и религиозных гонений, жандармерии монахов². Против духовенства и его привилегий боролась городская буржуазия. Она боролась против попов, ленивая и легкая жизнь и развращенные нравы которых вызывали в ней величайшее негодование. Она требовала решительных мер против скандального образа жизни этих почтенных мужей, настаивала на отмене их собственной юрисдикции и налоговой свободы и на ограничении численности монахов вообще.

Подобно тому, как в настоящее время буржуазия требует дешевого правительства, *gouvernement à bon marché*, точно также и средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви, *église à bon marché*.

Городская буржуазия требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников. Это дешевое устройство устранило монахов, прелатов, римскую курию, словом все, что стоило в церкви дорого³.

III

Большое место в «Письмах» гуманисты уделили разоблачению невежества и научного ничтожества теологов⁴. Вымышленные авторы-обскуранты в своих письмах утверждают, что нет надобности изучать латынь по Вергилию, Цицерону и Плинию, «обосновывая» это тем, что будто бы еще Аристотель утверждал, что поэты лгут. В 8-м письме помещается бездарный стих Ортуина, однако, вымышленный автор письма обскурант Гензелинус им восхищается. Он удивлен, как Ортуин мог «сочинять столь замечательные вещи»⁵. При этом, слова «столь замечатель-

¹ См. «Краткий курс истории ВКП (б.)», стр. 124.

² См. Маркс и Энгельс, соч., т. VIII, стр. 120.

³ См. Там же, стр. 128-129.

⁴ См. 1-е и 7-е письма.

⁵ См. 8-е письмо (1 ч.).

ные» читателями понимались в обратном смысле. Этим письмом гуманисты указывали на бездарность Ортуина и тупость его коллег. В 14-м письме разоблачается в незнании грамматики не рядовой теолог, а ректор университета, который обращение на «ты» по латыни, принял за грубость.

О невежестве теологов говорит и 15-е письмо, где глагол «писать» приводится в различных вариациях около 15 раз, в результате чего письмо приобрело чрезвычайно глупый смысл. При этом, пишущий рекомендует себя не как отсталого монаха, а как ближайшего друга Ортуина. Шлаурафф откровенно сознается: «звал меня в городе всяк—кельнский болтливый дурак»¹. Эти чрезвычайно острые и яркие места действовали на ученый авторитет обскурантов сокрушающе.

Метод косвенного действия в «Письмах» часто нарушается и переходит в прямое литературное наступление; в 35-м письме (1 ч.) автор передает Ортуину слова гуманистов, что «магистры ослы и не знают ни латинского языка, ни немецкого». Они утверждают, что обскуранты не знают потому, что мало и плохо учились благодаря схоластической педагогике. Кто занимался полтора года, того «удостаивали степени бакалавра», кто же занимался 3 или 2½ года, «тот получал степень магистра»². И дальше говорится, что магистры развращают молодых людей, они за деньги дают степени даже и в том случае, если соискатель ничего не знает.

При подобном подходе, состав магистров и бакалавров мог пополняться за счет академически бездарных и неподготовленных лиц. Вполне понятно, в таких условиях ученая степень теряла свое значение в глазах добросовестных ученых того времени. «Из 20 студентов,—сообщает обскурант Ункенбунк,— разве только один стремится получить ученую степень; все другие хотят заниматься гуманистическими науками»³. Это интересное место указывает на торжествующий тон «Писем» по отношению к старой науке и на отрицательное отношение гуманистов к ученым степеням в старом толковании их значения, а также и способам их получения. В 58 письме (2 части) приводится отрывок из разговора студента с магистром, отрицающего необходимость вышеуказанной ученой степени; студент ссылается на плохую работу немецких магистров и сообщает, что в Болоньи их называют беанами.

В результате кризиса старой науки, у магистров стало «так мало учеников, что просто позор»⁴. Такая жалоба, вкладываемая в уста обскуранта, соответствовала действительности. Молодежь шла в гуманистические университеты, покидая своих учителей старого направления. К 20-м годам XVI столетия университеты в Германии в своем большинстве под влиянием гуманистов перестраиваются.

Гуманисты устами Клингесора называют кельнскую, т. е. обскурантскую теологию не наукой, а «философией» в дурном смысле. Это «софистическое искусство,—а не теология», это «бесовская болтовня и чепуховое пустословие»⁵. Арнольд Тонгрский и Яков Гоогстратен, говорит-

¹ Письмо IX (2 ч.).

² См. 46-е письмо (2 ч.).

³ Там же.

⁴ См. 58-е письмо (2 ч.).

⁵ См. 50-е письмо (2 ч.).

ся далее, «хищные волки». Так яростно выступали гуманисты, представители поднимающейся буржуазии, против отжившей старой науки, которая тормозила дальнейшее развитие научной мысли.

Как уже было подчеркнуто, географические представления у средневековых ученых были фантастические. Гуманисты в 25-м письме (1 ч.) высмеивают представление об Индии, как о фантастической стране, куда обскурант Скульптор желал бы в качестве наказания отправить всех гуманистов, так как в Индии, по его словам, «лес, где выращивается перец, остерегается змеями».

Наряду с незнанием географии «Письма» указывают на невежество обскурантов и в других областях науки.

«П. т. л.» не проходят и мимо средневековой медицины. В их изображении Мистладериус (автор 40-го письма), узнав, что у Ортуина кашель, рекомендует «есть сахаритолченный горох, смешанный с тертым тмином и чесноком», и предлагает положить «жареный лук себе на пупок». Вилипатиус из Антверпена, (41-е письмо 1 ч.) как средство против колдовства женщин, «чарующих» магистров, рекомендует «взять в воскресенье священной соли и сделать ею себе на языке крест», такие же кресты солью сделать на груди и на спине, набить солью уши и читать молитву. В 1-м дополнительном письме к 1 части характеризуется в смешном виде Антон Н. «медик почти-что доктор», «теперь лицензиат», однако возлагающий надежды скоро стать доктором. Прежде всего он работает ради денег. Он мечтает заработать в одну неделю столько, сколько «Эразм и другие поэты зарабатывают в год». Ради заработка он умоляет бога, чтобы было больше больных. В 33-м письме (1 ч.) приводится пример, как Бунтемантеллус, страдая от любви, получил от медика слабительное, а болезнь была определена как результат плохого пищеварения. Мнимому больному предписывали лекарства, составленные по глупому рецепту указанного медика. Так безжалостно гуманисты высмеивали средневековую медицину.

Гуманизм выдвигает педагогику, воспитывающую свободного человека (свобода, конечно, трактовалась с точки зрения буржуазии). Однако на этом пути серьезным препятствием являлась старая педагогика. Поэтому в «Письмах» гуманисты, прежде всего, подвергают уничтожающей критике программы старых школ, в основе которых находились так называемые 7 свободных искусств. Автор 17-го письма (1 ч.) называет их не семью свободными искусствами, а семью смертными грехами. Метод преподавания в старой высшей школе в изображении «Писем» сводился к диспутам; «магистры и доктора весьма искусно и с великой ученостью изощряются в построении, разрешении и предложении разного рода вопросов, доказательств и проблем по всем отраслям знания»¹.

Говоря об этих методах устами одного автора, внешне как бы одобрительно, гуманисты его же устами в конце письма считают их не основательными, а в частности доказательства происхождения имени Ортуина от божьего дара называют надменными. Методические принципы и порядки в университетах изображает письмо Гериланбиуса. Здесь

¹ См. 38-е письмо (1 ч.).

среди всех методов и приемов педагогики занимают почетное место телесные наказания. Приводится изречение: «не оставляй юношу без наказания: если накажешь его розгой, он не умрет, ты накажешь его розгой и спасешь душу его от преисподней»¹. Это изречение вкладывается в уста отца, отдающего сына в университет. И дальше он просит Ортуина, чтобы тот его сына принуждал «ходить всегда на диспуты в бурсе». Гуманистам чужды были порядки, царившие в старых университетах. Ункебунк о студентах говорит следующее: «всякий же раз, как они видели магистра, они так пугались словно они увидели беса»². При подобных взаимоотношениях студентов с магистрами не могло быть творческой работы. В 58 письме показан надменный и мстительный магистр Перлир, который грозит студенту провалом его на экзамене³.

Старые схоластические учебники, по которым учились в бурсах, не соответствовали новым потребностям общества. В изображении «Писем» некие гуманисты в разговоре с Фентрификом старые учебные пособия называют глупостью.

Все вышеприведенные места из «П. т. л.» являются сугубо партийной карикатурой на схоластическую науку, порядки в школах, методы преподавания и т. д., но эта карикатурность исходила из реального состояния дела. Источники и сообщения другого порядка тоже говорят об этом.

Если схоласты XII-XIII вв. очень много занимались вопросами логики, использовали сочинения античных писателей для обоснования христианского учения, «если в теологии хоть изредка требовались хотя бы поверхностные знания»,⁴ то обскурантизму характерны: научная беззаботность, ничтожество, грубость нравов и т. д. Вместо Альберта Великого, Фомы Аквината, Дунс Скотта, Винченца де Бовэ и Роджера Бекона, теперь среди теологов почетное место занимают обскуранты типа: Ортуина Грация, Якова Гоогстратена и Пфеффкорна с армией поклонников, которые изображены в «Письмах темных людей», как их корреспонденты.

Школьное и университетское образование, находившееся под руководством теологов-обскурантов, падало. Оно не соответствовало экономическим и культурным потребностям общества (в частности потребностям растущей буржуазии). Школы, являясь источником доходов в руках теологов, часто комплектовались дешевыми неподготовленными преподавателями. В школах, говорит Эразм Роттердамский, «всею делю заведует неразвитый развращенный мужлан, у которого на чердаке частенько неладно». Может быть эта характеристика состояния школьного дела Эразмом преувеличена, но все же она в известной степени соответствует настоящему положению вещей.

Положение учительства было очень скверное; «лучше смерть чем учительство», говорил Эобан Гесс.

¹ См. 45-е письмо (II ч.).

² См. 46-е письмо (II ч.).

³ См. 58-е письмо (II ч.).

⁴ «Маркс и Энгельс о религии», I т., стр. 293.

Грубый произвол обскуранта-преподавателя убивал всякую инициативу у учеников. Не лучше дело обстояло и в университетах, где господствовали теологи. Вся учебная работа концентрировалась в бесплодных диспутах обскурантов, которые так ярко высмеяны в «Письмах темных людей». Преувеличенность же и элемент насмешки здесь исходят из самого характера анализируемого памятника, как памфлета. Гуманисты понимали, что некоторое излишество в насмешке покроется тем, что в целом «Письма» сослужат большую службу в осуществлении общей задачи гуманистов — сокрушении старой церковно-схоластической науки, педагогики и авторитета их носителей в лице армии обскурантов.

Если в эпоху гуманизма и реформации «духовная диктатура церкви была сломлена»¹, то в этом важную роль сыграли и «Письма темных людей». То, что они в основном исходили из реального состояния средневековой идеологической системы и не имели произвольно-пасквильного характера, доказывается их воздействием на науку и педагогику. Под их влиянием, говорит Лампрехт, «дело кончилось упразднением старого университетского направления и старой науки; в 20 годах (XVI в. — И. И.) везде и прежде всего в Кельне, в университетах произошли гуманистические реформы».²

IV

Несмотря на свой в основном светский характер, немецкий гуманизм имел сильные религиозные черты. Эта религиозность вытекала из социально-классового и духовного состояния Германии в конце средних веков. По образному замечанию Маркса, «... за день до реформации официальная Германия была самым покорным рабом Рима».³

Новый класс растущей буржуазии «еще долгое время оставался в оковах всецелой теологии»⁴. Выступая против господства феодализма и римского католичества, буржуазия облекала свою борьбу в религиозную форму.

«Средние века присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму. Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде»⁵. Ввиду особого характера средневекового мировоззрения, как идеологической надстройки над феодальным базисом, ввиду господствующего положения церкви как составной части феодальной системы... всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви»⁶. Поэтому прежде чем вступить в борьбу со свет-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 155.

² Лампрехт. «История германского народа». т. III, 139 стр., изд. 1896.

³ Маркс и Энгельс, соч. т. I, стр. 407.

⁴ «Маркс и Энгельс о религии», т. II, 635 стр.

⁵ Маркс и Энгельс, соч. т. XIV, стр. 675.

⁶ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. 2-я, стр. 296.

ским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную, священную организацию¹.

Немецкий гуманизм поставил перед собой задачу освобождения буржуазного общества из-под зависимости старого отжившего идеологического направления и системы с римским папой во главе, правда, в осуществлении этой задачи он до конца не дошел.

Критика старой церковной системы и элементы реформации сильно проявились в «Письмах темных людей». В 7-м письме (1 ч.) приводится тип «духовного пастыря», заботящегося не столько о вере, сколько об искании «викарии». При чем ищущий, при удачном исходе дела, обещает Ортуину оказать особую почесть угощением. В 48-м письме (2 ч.) также выведен тип священника, заботящегося о своем благополучии. Он с увлечением говорит о вине, закусках и пр. Тип наглого священника-магистра выводится в 4-м дополнительном письме ко II части. Он всецело поглощен желанием получить выгодный бенефиций. Гуманисты ставят его в глупое положение; право на бенефиций он получил, но когда явился на место, оказалось, что жив был старый владелец последнего.

Таким образом, в «П. т. л.» гуманисты, как и другие реформаторы, указывали на так называемую «порчу церкви», в результате которой духовенство постепенно отказывалось от своих пастырских обязанностей и заботилось только о доходах.

V

Молодой, растущей буржуазии чужда была сословная иерархия феодального общества и церкви. Это отношение буржуазии к церковной иерархии нашло свое отражение и в «П. т. л.», правда, не совсем ярко и выпукло. Во 2-м письме I части магистр и бакалавр рассуждают о том, к какому разряду «грехов» отнести такой случай, если магистр по ошибке поклонился еврею. Под прикрытием этого глупого разговора гуманисты в данном случае высмеивали церковную иерархию, различные разряды грехов, имевших место в церковной практике: «епископские», «папские» и т. д., по которым «папский грех» не подлежал епископскому отпущению, «епископский» — священническому и т. д. Этот материал в борьбе с индульгенциями сыграл определенную роль; он показал, какая глупость царил среди духовенства. Эта глупость высмеивается и в 26-м письме I части, где теолог рассматривает своих коллег (в частности Мейера) как апостольских наместников. Против такого рассуждения теолога приводится отрывок из священного писания: «каким нахожу тебя, так буду и судить тебя»². Богословы, считая себя апостольскими наместниками, говорили, что только они могут познавать «тайны» и тонкости богословия; «...никто не может знать основательно теологию без помощи святого духа»³. Известно, что против подобных утверждений выступали еще Абельяр и другие средневековые реформаторы. «П. т. л.» приводят эти утверждения бого-

¹ Там же, стр. 295-296.

² См. 26-е п. (I ч.).

³ См. 5-е письмо (I ч.).

словов-обскурантов в презрительной насмешливой форме.¹ Растущая городская буржуазия настолько идеологически созрела, что не желала дальше верить обскурантам, ибо проповедуемое ими мирозозерцание, по замечанию Энгельса, «не могло больше удовлетворить этот новый класс, так как оно не соответствовало созданным им новым отношениям производства и обмена».² «Краткий курс истории ВКП(б)» показал с классической ясностью, что идеи меняются вместе с изменением материальных отношений общества, что на известном уровне развития общества, они могут являться или тормозом прогресса, или фактором, содействующим ему³. На основе приведенных выше положений мы можем понять, почему молодая буржуазия так отрицательно характеризует представителей старой культуры.

Посредством гуманистов буржуазия выдвинула идею, что и мирянин может с успехом познавать «тайны» священного писания и по-своему толковать его. Эта идея нашла отражение и в «П. т. л.». Они указывают, что «Рейхлин сведущ в теологии». В 10-м письме II части гуманисты устами некоего юриста высказали свое отношение к этому вопросу: «я не только понимаю теологию, — говорит юрист, — но даже вижу, что ты (т. е. теолог) мерзкое животное». Над утверждением теологов, что они составляют «основу церкви», насмехается и 26-е письмо II части. А Эразм Роттердамский прямо утверждал, что «теологи искажают священное писание».⁴ Но гуманисты свои реформационные идеалы не доводили до масс. В указанном выше письме передаются слова неизвестного юриста, направленные против сословных привилегий духовенства. Юрист доказывает, что если священник одет как мирянин и допустит незаконное деяние, его нужно судить так же как и мирянина и даже можно «присудить его к телесному наказанию». Привилегии клирика, — говорит он, — не должны этому препятствовать. Таким образом, немецкий гуманизм в «П. т. л.» хотя и не ярко, но выразил элементы буржуазных идей о так называемом «сословном равноправии», которые были выдвинуты в более яркой форме итальянскими гуманистами⁵.

Известно, что Бокаччо устами Гисмонды (героини «Декамерона») заявил: «Он, говоришь ты, человек низкого происхождения, но разве это недостаток? У всех нас плоть от одного и того же плотского вещества... лишь добродетель впервые различила нас, рождавшихся и рождающихся одинаковыми». Конечно, «П. т. л.» здесь не дают богатого материала, так же, как и по ряду других вопросов.

VI

Посредством различных приемов церковь выкачивала у народа деньги, одним из этих приемов являлись реликвии. «П. т. л.» рассматри-

¹ См. 31-е письмо (1 ч.).

² «Маркс и Энгельс о религии», т. II, стр. 635.

³ См. «Историю Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», стр. 111, 112, 116.

⁴ Эразм Роттердамский «Похвальное слово глупости», стр. 187. Изд. «Академия»

⁵ Вопрос о сословном равенстве гуманистами трактовался своеобразно, они говорили о свободе личности с точки зрения буржуазии. Выступая против сословных привилегий феодального общества, они не ставили вопроса об освобождении и развитии личности в широком смысле этого слова. Народные массы не интересовали гуманистов.

вают их именно с этой стороны. Устами неизвестных гуманистов, говоривших с Фентрификом, реликвии оцениваются следующим образом: «все что разорвано, не должно выдаваться за одеяние господне»¹. В таком же духе говорится о них и в 22-м письме I части; некий гуманист выражает свое недоверие к тому, что реликвии в Трире есть настоящая одежда христа и говорит, что «это просто старинная полная насекомых одежда», а другой заявляет, «что три царя в Кельне просто три мужика из Вестфалии». Совершенно ясно, что в «П. т. л.» выступает протест светской интеллигенции, представительницы городской буржуазии, против этих грубых методов обмана духовенством верующих масс.

Особое место в «П. т. л.» занимает вопрос об индульгенциях. Ненависть гуманистов к ним не имеет границ. Особенно ярко эта ненависть выступает во II части, где вообще элементы реформации представлены значительно сильнее. Об индульгенциях говорит 7-е письмо I части; там указывается, что «братья и господа ордена проповедников имеют очень много индульгенций, дают отпущение грехов и освобождают от наказания; кроме того у них есть папские разрешительные грамоты». В данном случае в изображении гуманистов автор письма (обскурант) совершенно спокойно передает вышеупомянутое как новость, но по другому отзывается гуманист, о котором Шируглиус говорит с негодованием, приводя отрывок из его разговора: «.....на индульгенции братьев проповедников, что эти братья мошенники и надувают женщин и мужиков»². В 5-м дополнительном письме (I ч.) приводится пример, как индульгенции раздавались в целях борьбы с гуманизмом; там говорится, что их раздавал «Яков Гоогстратен, когда он в Майнце довел до конца дело Рейхлина». Гуманисты вкладывают в уста студентов, проигравших индульгенции в кости, следующие слова: они «не приносят никакой пользы людям»³. 16-е письмо II части указывает на широкое распространение индульгенций в Германии. Автор-обскурант шлет столько приветов Ортуину, сколько «у проповедников индульгенций». Характерно, что обилие индульгенций в Германии находится в перечне т. н. «национальных пороков», например, сравнивается с тем, «сколько в Польше воров, вшей в Венгрии, проституток в Бамберге» и т. д. Этот момент является яркой характеристикой отношения гуманистов к индульгенциям. Очень интересно и умело поставлен вопрос в 43-м письме II части. Здесь дана оценка со стороны обскурантов и гуманистов. Приводятся слова брата Якова, проповедывавшего с амвона: «если вы купите эти индульгенции, то вам отпустятся грехи, словно сам Христос пришел сюда и отпустил вам грехи ваши».

В качестве противоположного взгляда гуманисты вкладывают в уста Рейса следующее: если «кто-нибудь купит хотя бы сотню этих индульгенций, а жизнь будет вести плохую, то он все-таки погибнет и эти индульгенции ему не помогут»⁴.

¹ См. 11-е письмо (I ч.)

² См. 22-е письмо (I ч.).

³ Пятое доп. письмо к I-й ч.

⁴ См. 43-е письмо (II ч.).

Из этого видно, что гуманисты относились к индульгенциям как средству обмана, как средству, служившему духовенству и прежде всего римской курии, которая через эти индульгенции выкачивала массу денег из Германии¹.

VII

Поскольку главной целью «Писем» было сокрушение старого церковно-схоластического мирозерцания, освобождение человека развивающегося буржуазного общества из-под опеки церкви, постольку они не случайно направили огонь борьбы против римской курии, являющейся центром церковной системы. Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом «каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию»².

В период «Писем» на папском престоле сидел флорентинец Лев X (1513—1521 гг.), который особенно отличался светским образом жизни, утопал в роскоши, не отказывал себе ни в чем. Он особенно ловок был в изобретательности всяких поборов. Устами обскурантов о нем говорится, что он не знает теологии, что Кельнский университет выше (го. 16-е письмо I части намекает на злоупотребления пап, усыновлявших своих незаконнорожденных детей; оно указывает и на то, что сам Ортуин сын проститутки. Такого рода отзывы о теологах и римском первосвященнике сыграли большую роль в подрыве их авторитета.

В 33-м письме I части гуманисты показывают образец очень ловкого использования оружия обскурантов против их же самих. Автор этого письма (обскурант) с отчаянием передает Ортуину, что папа перешел на сторону Рейхлина и думает казнить теологов за клевету на последнего, что папа, за наглость, проповедникам прикажет носить на черном плаще «сзади белые очки или лорнет на посмеяние». Эту весть обскурант передает с искренним ужасом и выражает свое возмущение угрозой петь отрывок из псалма «да будут дни его кратки и достоинства его да возьмет другой». В таком духе ставится вопрос в первой части «П. т. л.». Значительно острее он стоит во второй части. При помощи очень ловко придуманного метода, в 5-м письме II части гуманисты устами заядлого обскуранта, возмущенного успехом Рейхлина в римской курии, следующим образом характеризуют последнюю: «в римской курии все совсем не так, как в другом месте», «если кто выиграет в одном, то проиграет в другом». Может получиться, говорит обскурант, так, что кто-нибудь имея в свою пользу два-три решения, «в конце концов может потерять самое дело». Еще резче о продажности курии говорит конец анализируемого письма, где разоблачаются подлые деяния Гоогстратена, который подкупил членов курии. Приводится пример, как Гоогстратен угощал важных сановников курии и как

---

¹ По выражению Энгельса, Рим снимал сметану, а для эксплуататорских классов Германии оставалось только снятое молоко. Насмешливую характеристику индульгенций дает Маркс в своих «Хронологических выписках». См. Исторический журнал № 1, за 1937 г.

² Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 295-96.

последние, удовлетворенные этим, сказали: «Ей-богу! это весьма достойный теолог; давайте сделаемся его сторонниками»¹. В 12-м письме II части устами одного из участников свиты Максимилиана I, гуманист, на страх обскуранту Лямп, говорит: «Будь я император, я велел бы повесить всех тех, которые отправляются в Рим и учатся там всяким гадостям. Там они надувают друг друга, чтобы получить бенефиции², и притесняют тех, которые имеют бенефиции в Германии. Благодаря им деньги уходят из Германии в Рим». Этот дух «П. т. л.» больше всего отвечал идеалам Гуттена — представителя разоряющегося рыцарства, но он соответствовал также интересам городской буржуазии и князей, которые с завистью смотрели на то, как из Германии уплывали богатства. «П. т. л.» выступают резко против папства. В 16-м письме II части Политор посылает Ортуину столько приветов, сколько «в Риме куртизанок». В 23-м письме II части недовольный теолог говорит: «канцеляристы и члены папской курии так горды, что вы просто не можете себе представить». При всем враждебном отношении и резкости тона, гуманисты в данном случае действуют окольным путем. Свои взгляды они проводят косвенно, от имени и посредством обскурантов. В 32-м письме II части автор-обскурант, восхищаясь успехом Гоогстратена, который сумел подкупить видных сановников римской курии, передает следующие слова одного официала: «чего мы можем тут достигнуть письмами? Если есть у Рейхлина деньги, то пусть он их сюда посылает, так как при курии необходимо иметь деньги; иначе ему, конечно, ничто не поможет».

Итак, «П. т. л.» косвенно, оружием самого обскурантизма наносили сокрушительные удары главе средневековой церковной системы. По образному замечанию Энгельса, папа занимал самый реакционный пост в Европе и представлял собою окаменевшую идеологию средневековья. Против него направлялись были нападки растущей буржуазии. «П. т. л.» разоблачали разврат и продажность папства и его аппарата, посредством которого оно выкачивало массу денег из Германии. «П. т. л.» ясно показывают, что папство давно уже вместо «пастырских» обязанностей выполняет не только бесполезные, но и вредные функции. Главным орудием борьбы гуманизма против папства в период «Писем» была сатира. Гуманисты посредством едкой насмешки наносили ему удары. В «Письмах» папство выступает в карикатурном изображении, но в основе этого изображения лежит реальный, соответствующий действительности критерий. В ряде мест «Письма» переходили рамки смеха и граничили с призывом к решительному действию при помощи насильственных мер. В 22-м письме I части автор обскурант сообщает, что некий гуманист «говорил, что надо уничтожить этот орден, иначе в вере еще долго будет много соблазна, так как все зло именно в этом ордене». Негодование гуманистов часто выливалось в подобие призыва применить против обскурантов насильственные меры. Так например, заключительное письмо II части прямо восклицает: «на виселицу вас всех! Пусть вас туда отведет палач с товарищами!»

¹ См. 5-е письмо (II ч.).

² См. там же.

Но эти моменты не давали им преобладающего тона. В своей борьбе гуманисты — авторы «П. т. л.» не обращались к народным массам. Поэтому «П. т. л.» нельзя считать призывом к насильственным мерам против своего врага; они в истории сыграли роль как едкая сатира, высмеивая язвы средневековой церкви и ее науки. «Краткий курс истории ВКП(б)» показал, что буржуазия конца средних веков была еще слаба и нерешительна для того, чтобы начать непримиримую борьбу с существовавшими порядками. Ее сознательная деятельность ограничивалась будничными интересами, а лучшие даже ее представители стремились получить дворянские титулы, привилегии и королевские милости¹.

Кто же по мнению гуманистов должен был освободить общество от этого зла? Косвенно отвечает на это 50-е письмо II части, устами неизвестного гуманиста. Этот косвенный ответ гласит: «надеюсь, что явятся собаки, т. е. вернее пастыри овец, и без зависти и злобы смиренно и с верой будут пасти овец христовых, т. е. народ христианский. Разорвут они тех волков (т. е. представителей старой идеологической системы — И. И), которые опустошили божью овчарню и очистят церковь божью, т. е. выбросят всех гнусных и скверных теологов, которые ровно ничего не знают, а все-таки хвастают, что знают все». Это чрезвычайно интересное место для характеристики отношения гуманизма к церкви и ее науке. Оно указывает на ту неизбежность реформы, которая назревала в Германии. Оно также указывает на методы проведения реформы, в которых безусловно отсутствует применение насильственных революционных мер, хотя Гуттен в этом направлении пытался кое-что предпринять.

На этот счет очень интересный материал имеется в указанном выше письме. Приводятся слова пророка: «и будет в то время: Я со светильниками осмотрю Иерусалим». После этих слов даются комментарии: «это значит, я посету церковь мою, попытаюсь реформировать ее и уничтожить в ней заблуждения, если только они есть». «Со светильниками осмотрю» т. е. с помощью таких ученейших мужей Германии, как Эразм Роттердамский, Иоанн Рейхлин, Муциан Руф и др.». Дальше говорится: «я накажу тех, т. е. теологов, которые сидят, т. е. упрямо стоят на своем», «на дрожках своих, т. е. в постыдной, покрытой мраком нелепой теологии, которую они сами себе выдумали несколько столетий назад, уклонившись от древних и ученых теологов, которые руководились истинным светом Священного Писания». «Покинув истинную первоначальную теологию, они только и делают, что диспутируют, аргументируют и предлагают ни к чему: не ведущие вопросы». Теологи, говорится в этом же письме, «не приносят ровно никакой пользы церкви божьей». В заключение это письмо выражает надежду, что «накажет их господь и пошлет других учителей, знающих греческий, латинский и еврейский языки. Они выбросят эти дрожки, т. е. эти ни к чему негодные софизмы, лживую теологию и темные формулы, и принесут светильники свои, осветят Священное Писание и восстановят древнюю и истинную теологию».

---

¹ См. «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 124.

Анализируя это письмо и общий характер всего содержания «П. т. л.» мы убеждаемся еще более в глубине указания Энгельса о том, что городская буржуазия добивалась дешевой церкви. Она «требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия».¹

Это письмо является центральной частью всего сборника. Здесь как бы подводится итог критике разложения церковной системы и ее науки. Оно констатирует, что богословы отошли от «истинного» христианства, что назрела необходимость реформы церкви. Но реформа, выдвигаемая гуманистами, не была радикальной; она не выходила из рамок христианства. «Все реформационные движения, — говорит Энгельс, — и связанные с ними, происходившие под религиозной фирмой выступления, с XIII до XVII столетия являются со стороны их идеологического содержания не чем иным, как многократно повторяемыми попытками буржуазии, городского плебейства и взбунтовавшегося под их влиянием крестьянства **приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим отношениям и жизненному укладу новых классов**» (подчеркнуто мною — И. И.)².

По «П. т. л.» реформация не являлась делом народа. Ее провести должны ученые мужи при помощи просвещенных государей. Для того, чтобы очистить церковь и ее науку от так называемой «порчи» (т. е. для того, чтобы приспособить к потребностям буржуазии), гуманисты обращаются к древним текстам, так как позднейшие, по их мнению, не соответствовали первоначальным — «истинным». Именно в этих древних текстах они искали ключ к пониманию и разъяснению христианского учения. С этой целью они настойчиво изучали древние языки. Из вышеприведенного вытекает, что немецкие гуманисты, и в частности «П. т. л.» не выступали против христианства вообще. Они не шли на решительный разрыв с церковью, а только желали ее реформировать. Они желали привести учение церкви в соответствие с потребностями экономического и культурного развития немецкой буржуазии.

Вопрос о том, посредством чего может спасти человек свою душу: верой или отпущением за деньги, являвшийся в то время серьезным вопросом³ в борьбе реформаторов с католичеством, в «П. т. л.» также находит отражение. Гуманисты в этом вопросе стояли на точке зрения умеренной реформации. В 43-м письме II части гуманисты устами доктора Рейс выдвигают следующее положение: «Ничто не может сравниться с Евангелием. Кто хорошо поступает, тот и идет по истинному пути. Если же кто-нибудь купит хотя бы сотню этих индульгенций, а жизнь будет вести плохую, то он все-таки погибнет и эти индульгенции ему не помогут».⁴ Если кто согрешит, говорится дальше, и принесет покаяние, «тот войдет в царство небесное». «П. т. л.» выступают против индульгенций; они основой спасения души выдвигают веру и покаяние. При этом покаяние человек не обязательно должен был давать священнику.

Рассмотренные нами взгляды были присущи большинству немец-

¹ Маркс и Энгельс, соч., т. VIII, стр. 129.

² «Маркс и Энгельс о религии», т. II, стр. 635.

³ Указанный вопрос с чисто догматической точки зрения являлся одним из центральных моментов учения М. Лютера, Цвингли и других реформаторов.

⁴ В данном случае мы видим полную аналогию с положениями М. Лютера.

ких гуманистов. Правда, такие, как Гуттен, пытались пойти значительно дальше.

В обостренной борьбе «Писем» с обскурантской теологией и ее носителями часто насмешка доходила очень далеко. Она в ряде мест делала наступления на основные догмы и обряды христианства, посягая на его важнейшие авторитеты. Но на общем фоне такие моменты не превалировали. Подобного рода выпады на авторитет Евангелия и на культ Иисуса относятся за счет светского и сатирического характера гуманистической литературы и в частности «П. т. л.»

Таким образом, «П. т. л.» были острейшим оружием в борьбе гуманистов с обскурантами. Они действуют косвенно; в борьбе против обскурантов пользуются их же оружием. Но последнее, заключительное письмо II части открыто и прямо выражает всю ненависть гуманистов к обскурантизму. Оно называет Ортуина «пресловутым», «глашатаем дурного», «глупее всякого сумасшедшего дурака» и т. д. Последнее письмо II части восклицает: «на виселицу вас всех!». В «П. т. л.» часто выражается в яркой форме уверенность авторов в своей правоте и победе, чувствуются притязания молодого, восходящего класса, выразителем идеологии которого являлись гуманисты.

В 10-м письме I части показан обскурант, который в споре с гуманистом не находит аргументов в свою пользу. В 11 письме I части изображен теолог, который доведен до того, что не в состоянии отвечать. Уверенный тон также ярко выражается в 35-м письме I части. В 4-м дополнительном письме к I части гуманисты вкладывают в уста самого Тонгрского слова: «Рейхлин всегда отражает наши удары». «П. т. л.» показывают Рейхлина как победителя и честного мужа. Они специально подчеркивали, что на его стороне римская курия и даже многие из членов последней «любят его». Противник Рейхлина, Гоогстратен в 7-м дополнительном письме к I части выводится в беспомощном виде. Он до того израсходовался на судебных издержках против Рейхлина, что ему «иногда едва хватает сухого хлеба». Здесь же гуманисты подчеркивают, что члены курии смеются над немецкими теологами. В уста членов курии вкладываются слова: «смотрите вот идут двое, они хотят сожрать Рейхлина! Они сожрут его, но затем опять испражнятся им же». Приведенный пункт как нельзя лучше говорит об уверенности гуманистов в осуществлении своей миссии — сокрушении обскурантизма. Они заранее приготовили даже надгробную надпись Гоогстратену: «здесь Гоогстратен лежит; выносили при жизни его люди плохие едва, кто же добрый — ненавидел»¹. В 6-м письме II части обскурант сообщает, что «дела ваши, когда я был в Риме, не были хороши», «Гоогстратен находится в великой бедности», его ряса — говорится дальше — «полна вшей». В «П. т. л.» изображается такая картина, что со всех сторон идут жалобы обскурантов на торжество гуманистов. В 9-м письме II части Шлаурафф горько жалуется, что ему нет нигде покоя: в Росток, говорит он «Герман Буш проживает,

¹ См. 7-е дополнительное письмо к 1-й части.

меня стихами со света сживает». Побывал он во многих городах и нигде гуманисты ему не дают покоя. В Нюрнберге Пиркгеймер «меня притеснял, проходу мне не давал» (там же). В Эрфурте Апербах «...напал и страх как меня притеснял» (там же). В Страсбурге Николай Гербелий «при народе меня осмеял, как дурак перед ним я стоял». Подобных мест, характеризующих уверенность и воинственность гуманистов и капитуляцию обскурантизма в «П. т. л.» очень много. Но необходимо подчеркнуть противоречивость самих «П. т. л.» в этом вопросе. Они, с одной стороны, по замечанию Егорова, являлись «победоносной песней над заплесневелой стариной, погрёбальным ее звоном», что было отражением притязаний городской буржуазии, растущей в недрах феодального общества, но они отразили также слабость и нерешительность этого класса.

Мы уже указывали, на основе «Краткого курса истории ВКП(б)», что буржуазия того времени была еще слаба и нерешительна, она часто искала милостей у короля, ее представители нередко стремились проникнуть в дворянское сословие и получить соответствующие привилегии¹. Об этой нерешительности молодой буржуазии говорили Маркс и Энгельс неоднократно².

Сокрушая устои обскурантизма с римским папой во главе, подняв победоносное знамя, гуманисты учитывали, что враг еще силен. И действительно враг был силен, так как он представлял феодальную формацию, которая в конце средних веков разлагалась, но еще господствовала.

VIII

«Письма» имели большой успех; в 1516 году они были изданы 3 раза. Они читались не только гуманистами, но всей образованной публикой. Благодаря тому, что «Письма» были написаны на латинском языке, который в то время был интернациональным, они распространялись и в других странах Европы. Нередко монахами (например, в Англии) они принимались за действительные письма обскурантов. Монахи-обскуранты восхищались откровенностью писем, в которых авторы о своих проделках говорили «от всего сердца». Но скоро был разгадан их настоящий смысл.

«П. т. л.» оказали известное влияние на общественную жизнь, ускорив и усилив процесс гуманистической перестройки школ и университетов. Они сыграли важную роль в создании идеологических предпосылок реформации, которая марксизмом-ленинизмом оценена, как первая попытка буржуазной революции, как первая попытка буржуазии и крестьянства выступить против феодализма³.

Называя реформацию XVI века революцией, Маркс между прочим отмечает, что она «началась в мозгу монаха»⁴, т. е. М. Лютера.

¹ См. «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 124.

² См. Маркс и Энгельс соч., т. XIV, стр. 675, т. XVI, II ч., стр. 296, т. II стр. 403.

³ См. Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 107—109, 113. Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, I ч., стр. 240; Ленин, соч. т. XII, стр. 210.

⁴ «Маркс и Энгельс о религии», т. I, стр. 57.

Все это является доказательством того, насколько серьезно было значение «П. т. л.» в подготовке идеологических предпосылок реформации. Многие реформаторы были воспитанниками гуманистических школ и кружков. Гуманизм оказал определенное влияние и на М. Лютера.

Формально, отдельные письма адресованы с различных мест и от различных авторов, но сборник в целом имеет логическую связь. Вторая часть является продолжением первой. Так как главная задача не была решена и Пфэффкорн снова в 1516 г. возобновил свои нападки на Рейхлина, выходит вторая часть. Основная линия обеих частей была общая, но за этой общностью скрывались и некоторые отличительные черты. В первой части большинство писем адресованы из Германии и отчасти из Нидерландов. Во второй же части около 35% адресованы из Рима. Это явление не случайно, оно было обусловлено обострением борьбы с Римом. Немалое значение имело здесь участие Гуттена, как главного автора второй части. Вторая часть отличается от первой большой резкостью. По образному выражению Боккинга, «в первой части работает бурав, но менее острый, чем работающий во второй, производящий меньше шума и дающий меньше опилок».

В результате анализа обеих частей сборника, и в частности отдельных писем, можно констатировать, что они составляют целостное произведение и являются важным источником по немецкому гуманизму, правда, источником своеобразным. Всякие «объективные» законодательные акты эпохи, сообщения летописцев, несмотря на видимую их «беспристрастность», фактически имеют всегда определенный классовый смысл. Тем более это относится к «П. т. л.», как сугубо партийному памфлету.

«Письма» имеют еще одну особенность — они не являются памятником, характеризующим все стороны гуманизма; ряд важнейших вопросов просто в них не затрагивается. Главное внимание они уделили филологической науке, педагогике и религии. Поэтому их анализ должен находиться в связи с другими памятниками. Характеристика немецкого гуманизма будет полной только при этом случае.

«П. т. л.» возникли в самый замечательный период развития немецкого гуманизма, когда его борьба с обскурантизмом была на наивысшей точке. Поэтому, они наряду с другими произведениями гуманистов¹ являются замечательным и наиболее ярким памятником эпохи. Но гуманизм исторически был ограничен; он уступил свое место реформации. Также и «Письма» как боевое оружие своего времени были заслонены более смелыми литературными произведениями, проповедями реформаторов и пропагандой представителей революционных масс в связи с тем, что в 1517 г. выступил Лютер, проповедь которого попала, как искра в пороховую бочку, и стало совершенно очевидно, что «на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные пионеры современного пролетариата с красным знаменем в руке и с коммунизмом на устах»².

¹ Как «Похвальное слово глупости Эразма» Роттердамского и др.

² «Маркс и Энгельс о религии», т. II, стр. 575.

«Буржуазия, говорит Энгельс, породила своего близнеца — антагониста, пролетариат, а вместе с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще до того, как буржуазия окончательно завоевала политическую власть»¹. Это показало выступление плебейских элементов общества во главе с Т. Мюнцером в Германии во время реформации и крестьянской войны.

Началась великая борьба европейской буржуазии² и великая крестьянская война. В таких условиях требовались и новые средства борьбы.

Итак, выше установлено, что в лице позднего средневекового миросозерцания и гуманизма столкнулись два враждебных идеологических направления, — разлагавшегося феодализма и формировавшейся в недрах феодального общества буржуазии. Но растущая городская буржуазия была еще слаба, чтобы подняться на решительную ломку старых общественных устоев³. Эта слабость буржуазии отразилась и в немецком гуманизме, который был выражением идеологии городской буржуазии и тесно связанной с ней светской интеллигенции. Об этой слабости и нерешительности говорят литературные памятники той эпохи, в частности «П. т. л.» Она обуславливалась социально-экономическим и классовым состоянием Германии того времени. На пути растущей буржуазии стояли громадные препятствия в лице средневековых социально-экономических и идеологических учреждений. Германия была раздроблена на ряд территорий, которые находились под владычеством крупнейших князей. Имперская власть все больше и больше падала. Наряду с засилием светских князей, Германия стонала под игом католического духовенства, во главе которого стояло римское папство. В области идеологии было засилье обскурантизма. Развитие элементов буржуазного общества в Германии началось значительно позднее, чем в Италии. В соответствии с этим, немецкий гуманизм выступил на историческую арену позже, чем итальянский, и не без формального влияния последнего. Немецкий гуманизм, как социальное и идеологическое направление, возникает до появления «Похвального слова глупости» Эразма и «П. т. л.». Его историческое становление было тесно связано с некоторыми течениями и в самой схоластике позднего средневековья; представители своеобразного направления (*via antiqua*) стремились спасти церковь и ее идеологию от так называемой «порчи» и направить богословскую мысль на первоисточники⁴. Хронологически, процесс формирования немецкого гуманизма, таким образом, занимает весь XV век, особенно его вторую половину и начало XVI века. На различных этапах основные черты гуманизма выступали с различной полнотой и яркостью.

Княжеский партикуляризм, слабость имперской власти, засилье папства и обскурантизма в Германии наложили отпечаток и на характер немецкого гуманизма, в результате чего он выступал

¹ См. Маркс и Энгельс, соч., т. XVI, I ч., стр. 296.

² См. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке» стр. 21, изд. 1931 г.

³ См. «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 124.

⁴ Этот момент нашел свое отражение и в «П. т. л.» (см. соответ. часть нашего анализа).

в сильной религиозной окраске. В религиозности немецкого гуманизма отразилось влияние социальной атмосферы и исторической традиции. «Предания всех мертвых поколений, — говорит Маркс, — тяготеют кошмаром над умами живых. Как раз тогда, когда люди повидимому только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов, они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде на чужом языке разыгрывают новый акт всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом...»¹ Эти замечательные слова Маркса имеют прямое отношение к рассматриваемому вопросу. В Германии гуманизм выступает на фоне подготовлявшейся реформации. На религиозном поприще ему предстояла большая задача сокрушить разлагавшееся, но еще устойчивое средневековое миросозерцание, которое к тому времени превратилось в тормоз исторического прогресса. Но сокрушая идеологию средневековья, как несоответствовавшую формально христианской истине, а фактически потребностям буржуазии (см. 50-е письмо II ч.), гуманизм вовсе не шел на решительный конфликт и разрыв с самим христианством. Ни «П. т. л.», ни «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского, ни другие сочинения гуманистов не были произведениями, призывающими на решительный разрыв с христианством.

Ульрих фон-Гуттен боролся не против христианской веры вообще, он считал только, что папство отошло от истин христианства, что оно занимается не заботой о душах мирян, а об увеличении своих богатств. В своей борьбе против папства он утверждал: «теперешняя глава и его курия не должна быть отрублена от своего тела — христианства, но только освобождена от нездоровых, скопившихся в ней соков. Этого можно достигнуть просто, лишив болезнь ее пищи, т. е. положив конец посылке денег в Рим». Эта цитата подтверждает выдвинутое нами положение. Духовные должности должны были заниматься по мысли Гуттена учеными мужами. Осуществление реформы по Гуттену должно было произойти при помощи императора; «под начальством человека, подобного старому императору Оттону, сделаем ревизию папскому совету и городу Риму, изгоним оттуда многих злых, а наибольшее меньшинство назначим на духовные места, не позволяя однако властвовать над нами». Правда, Гуттен в решительный момент борьбы не получил поддержки от императора Карла V; при помощи Зиккингена он вынужден был принять более резкие меры². Таков был реформационный идеал Гуттена, как гуманиста, занимавшего наиболее радикальную позицию. С этими идеалами тесно связаны были его политические планы, о которых мы говорим несколько подробнее в другой статье, помещаемой в данном сборнике (см. соответствующую ее главу).

¹ Маркс, из «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт»

² Автор имеет в виду рыцарское восстание накануне крестьянской войны в Германии, которое рассмотрено им в статье «Крестьянская война 1525 г. в Германии» в сочинениях классиков марксизма-ленинизма.

Исходя из данного выше определения гуманизма, как идеологии городской буржуазии и тесно связанной с ней светской интеллигенции, гуманизм Гуттена — представителя разоряющегося рыцарства, можно назвать своеобразным; его гуманизм был неизбежным этапом для перехода к реформации. Вообще же гуманизм не был идеологией рыцарства. Им была охвачена незначительная часть последнего.

Наиболее типичным и умеренным представителем немецкого гуманизма являлся Эразм Роттердамский.

Одобряя в основном «П. т. л.», он был против их чрезвычайной по его мнению резкости. Как о нем говорят сами «Письма», он стоял по отношению к ним «особняком». Умеренность Эразма проявлялась везде.

Говоря о выдающихся людях эпохи Возрождения, Энгельс отмечал, что «кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это — либо люди второго и третьего ранга, либо благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцев как Эразм». Это замечание Энгельса в понимании позиций Эразма Роттердамского имеет определяющее значение.

В «Похвальном слове глупости» Эразм хотел только высмеять пороки общества, главным образом обскурантов, но это знаменитое произведение, вопреки желанию самого автора, сыграло очень важную роль. Своей деятельностью, в частности «Похвальным словом глупости», Эразм подготовлял идейную почву реформации. В борьбе Рейхлина с обскурантами он тоже стремился держать себя «особняком»; ему уже тогда не нравилась «дерзость» некоторых гуманистов. Церковная реформа представлялась ему как постепенная мера без конфликтов с папой, могущественными светскими и духовными магнатами, при помощи просвещенного монарха. Он также, как и другие гуманисты, не шел на разрыв с христианством, а только желал очистить его от обскурантизма, вернув его к первоисточникам. В начале Эразм поддерживал Лютера, но когда дело последнего приняло народный характер, он от него отвернулся; «демон овладел этим неукротимым человеком», говорил он о Лютере¹.

Чем объяснить такую умеренность и компромиссность Эразма? Ранке, Мотли и Мюллер объяснили это болезненным его состоянием и боязнью разрушения культуры народными движениями. Петров относил этот момент за счет отсутствия у Эразма захватывающего религиозного идеала, родины и семьи². Однако, ключ к пониманию позиции Эразма нужно искать в другом. Необходимо учесть социально-экономическую среду, в которой вращался Эразм. Он был тесно связан с городской буржуазной аристократией, меценатами — князьями и другими «сильными мира». Влияние этих социальных слоев отразилось как в фокусе именно в деятельности Эразма. Его позиции и взгляды определялись социально-экономическими отношениями Германии той эпохи, общественным местом буржуазии

¹ См. статью Петрова «Эразм Роттердамский» в его сборнике «Всемирная история» стр. 382, изд. 1882 г.

² См. там же, стр. 383.

и ее интеллигенции. Говоря об Эразме, мы лишний раз убеждаемся в правильности указания «Краткого курса истории ВКП(б)» о степени зрелости молодой буржуазии конца средних веков¹, которая стремилась к милостям, дворянским титулам и почестям. Особенно это относится к Эразму Роттердамскому.

Вопрос о классовой основе немецкого гуманизма нельзя отождествлять, во-первых, с вопросом о составе его носителей и, во-вторых, с вопросом о той небуржуазной среде, где находил он распространение. В истории развития человечества много таких примеров, когда идеологию какого-либо класса выражали не непосредственные его представители, а выходцы из другой (часто демократической) среды. Так было и в Германии в изучаемый период. Армия гуманистов, развивая новую идеологию поднимающейся буржуазии, была объективно на службе у последней. Гуманисты были проводниками ее идеологии. Кроме этих объективных моментов имелись, конечно, непосредственные материальные и идейные связи. Многие гуманисты были тесно связаны с городской аристократией, получая от последней выгодную службу и пенсии. Социальный же состав гуманистов был разнообразен. Среди них были и представители высоко аристократической среды, как, например, Нуэнар, рыцари в лице Гуттена и Германа Буша. Но главная масса гуманистов все же вышла из демократической среды. Бебель был сыном крестьянина, Крот Рубеан был учителем и священником, Рейхлин сыном почтальона, Вимфелинг по профессии был педагогом и т. д. Вся эта пестрая по составу армия составляла светскую интеллигенцию, которая могла возникнуть только в условиях развития городского ремесла и торгово-денежных отношений.

Немецкий гуманизм был в основном явлением городским. Центральными его очагами являлись Нюрнберг, Эрфурт и др., т. е. города наиболее развитые в промышленно-торговом отношении. Вместе с тем, немецкий гуманизм был распространен в некоторых кругах княжеской аристократии и в обществе императоров, в частности Максимилиана I. Рейнское и дунайское гуманистические общества находились под покровительством императора Максимилиана и пфальцграфа. Объясняется это, конечно, не тем, что немецкий гуманизм был идеологией феодальных классов, а тем, что в жизни самих князей и императоров произошли под влиянием социально-экономического и культурного развития Германии большие изменения. Условия политического управления стали сложнее, нужны были дипломаты, советники секретари и т. д. Расширялся кругозор князей и императоров; им нужны были писатели, художники и т. д. Гуманисты участвовали в свитах крупных магнатов, их назначали советниками, секретарями, послами и т. д.² Феодальные магнаты часто назначали гуманистам пенсии. Императоры венчали славой гуманистических поэтов. Но при всех этих обстоятельствах связь гуманистов с феодальными классами была скорее всего с обеих сторон утилитарной. Князья и императоры

¹) См. «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 124.

²) Эразм, например, был советником Карла V, Пинкгеймер был на службе у Максимилиана I, Рейхлин был в одно время на службе у графа, недолго служил при Майнцком дворе и Гуттен.

в изменившихся социально-экономических и культурных условиях стремились извлечь из гуманистического образования пользу для себя; в свою очередь, гуманисты находили часто в этом источник материальных доходов, предоставляя меценатам свои услуги, как профессионалы. Однако эта служба нередко доходила до подхалимства и восхваления гуманистами «сильных мира». В этом мы опять видим яркое подтверждение правильности положений «Краткого курса истории ВКП(б)» (стр. 124) о буржуазии того времени.

Исходя из своего характера, как идеологии буржуазии и связи с феодальными магнатами, немецкий гуманизм был аристократическим и чуждым народным массам.

Возрождение античности у немецких гуманистов бледнее, чем у итальянских, потому, что Германия значительно дальше находилась от ее сокровищ. Немецкий гуманизм имел сильную религиозно-богословскую окраску. Отличие немецкого гуманизма от итальянского очень резко бросается в глаза при сопоставлении «П. т. л.» и «Похвального слова глупости» Эразма, с одной стороны, и «Декамерона» Бокаччо, с другой. Немецкому гуманизму не чужды были идеалы удовлетворения всех природных потребностей человека (из лагеря буржуазии, конечно), но эта сторона в их основных литературных произведениях отражена значительно слабее, чем у итальянских гуманистов, а в «П. т. л.» не отразилась она совершенно.

Женский вопрос немецким гуманизмом почти не затрагивается. «П. т. л.» по этому вопросу не говорят ничего. А у Эразма в «Похвальном слове» высмеивание пороков женского пола переходит свои границы, превращаясь в презрительное отношение к женщине вообще¹.

Образованных женщин в Германии было очень мало. В 1427 г. одна женщина из Аугсбурга в письме к своей подруге писала: «мне стыдно писать, так как я думаю, что я одна из аугсбургских горожанок умею читать и писать». Она выражает в этом письме свое опасение, что над ней будут смеяться.

Гуманистические идеи в Германии не могли иметь широкого распространения среди народных масс еще потому, что гуманисты стремились писать не на родном языке, а на латинском. Эразм, например, никогда не пользовался ни немецким, ни английским, ни языком своей родины. «П. т. л.», несмотря на свой характер, как оружия борьбы, печатались только на латинском языке и не были переведены на немецкий. Правда, некоторые гуманисты, как Пиркгеймер и др., делали попытки переводить сочинения классиков античности на немецкий язык, но это не получило широкого распространения. Гуттен сознательно не писал по-немецки, чтобы не апеллировать к народу. Он вынужден был обратиться к массам только в 20-х годах. «Я раньше писал по латыни, это было не для всех понятно; теперь я взываю к отечеству и немецкому народу на его языке, чтобы отомстить за его дела». Перейти с латинского на немецкий язык его заставили тактические соображения. В Италии же наряду с распространением древних языков развивалась значительно шире национальная литература.

¹ См., например, «Похвальное слово глупости», изд. «Академия», стр. 68.

В «П. т. л.» ярко отражена борьба гуманистов против старой педагогики, но их положительные идеалы не излагаются. Чтобы понять педагогические идеи немецких гуманистов, нужно проанализировать работы Вимфелинга, но это выходит за пределы нашей работы.

В гуманизме имелись элементы материализма, которые сильнее выражены в итальянском и французском. Но этот материализм был относительным и своеобразным. По выражению Энгельса, античность, культуру которой возрождали гуманисты, «была слишком стихийно материалистична, чтобы не ценить бесконечно выше царства теней земную жизнь»¹. Этот отличный от средневекового аскетизма подход к земной жизни был воспринят гуманистами от античности.

В произведениях Бокаччо и Рабле герои действуют на земле; в отличие от средневековых аскетов, они не рассматривают жизнь только как подготовку к загробной вечности; удовлетворение природных потребностей для них не является грехом.

В немецком гуманизме элементы материализма значительно слабее в виду его богословско-религиозной окраски.

«П. т. л.» и другие произведения немецких гуманистов вращались вокруг вопросов религиозных. Все это обуславливалось положением Германии, как страны раздробленной, с засилием князей, папства и обскурантизма. Именно эти факторы наложили отпечаток на все стороны немецкого гуманизма. Необходимо к этому же добавить, что многие гуманисты сами не были лишены суеверных представлений.

Обращая свое внимание главным образом на филологию и педагогику, гуманисты в этой области проделали большую работу. Но в естественных и точных науках немецкий гуманизм серьезных сдвигов не сделал. Правда, отдельные гуманисты пытались действовать в этом направлении, но то были скорее всего дилетанты, а не серьезные ученые. Цельт с пафосом говорил о том, что желает познать все тайны природы и изучить ее законы.

В результате крупнейших социально-экономических и классовых сдвигов «рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и положены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся в свою очередь исходным пунктом современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена»².

Это был, говорит Энгельс, величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Например, Леонардо Да-Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом, кроме того первым, достойным упоминания, воен-

¹ См. «Маркс и Энгельс о религии», т. II., стр. 559.

² Маркс и Энгельс, соч., т. XIV, стр. 476.

ным писателем нового времени. Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хорала, который стал марсельезой XVI века.

Естествознание развивалось тогда в обстановке всеобщей революции, будучи само насквозь революционно. Ибо оно должно было завоевать себе право (свободного исследования) на существование.

Хотя в XVI и XVII вв. произошел громадный переворот в научной области, но до классического реализма буржуазной эпохи было еще далеко. «Коперник,—говорит Энгельс,—бросил, хотя и скромно и, так сказать, лишь на ложе смерти, перчатку церковному авторитету в естественных делах. Отсюда датирует освобождение естествознания от теологии». Но Энгельс вместе с тем отмечает, «что выяснение отдельных взаимных претензий затянулось до нашего времени, не завершилось еще и теперь во многих головах».¹

Необходимо еще раз подчеркнуть, что указанный выше переворот в области естественных наук происходил в тот период, когда историческая миссия немецкого гуманизма была уже исчерпана. Он уступил свое место более высокому этапу развития движения буржуазии и народных масс в связи с началом великой крестьянской войны.

Гуманисты не составляли единой партии. Среди них был относительный единый фронт только в борьбе с обскурантизмом (в деле Рейхлина). Дальнейшее развитие социально-классовых отношений в Германии усилило противоречия внутри гуманистов и привело их к расколу в связи с начавшейся реформацией. Герман Буш, Юст Ионас, Гуттен, Меланхтон переходят в лагерь реформации. Крот Рубеан, Эразм, Рейхлин, Муциан, Пиркгеймер и другие отворачиваются от нее, так как она приняла народный характер. Эразм переселяется из реформационного Базеля во Фрейбург.

С 1517 г. по 1525 г. главным явлением общественно-политической жизни в Германии становится не гуманизм, а реформация и крестьянская война.

Позднее немецкий гуманизм приспособляется и используется двумя направлениями: реформацией и католицизмом (контрреформацией). Некоторые результаты деятельности немецких гуманистов были использованы иезуитами.

Гуманисты эразмовского направления, в условиях развернувшейся социально-классовой борьбы, готовы были отказаться задним числом от той борьбы, которая была ранее ими проделана и подготовила предпосылки для реформации. Но прогрессивная роль гуманизма на известной ступени развития Германии (в частности в подготовке реформации) этой тактикой гуманистов, на последнем этапе его развития, из истории не вычеркивается.

Видные реформаторы, как Лютер и Цвингли, были воспитаны гуманизмом.

¹ Маркс и Энгельс, соч., т. XIV, стр. 477.

Гуманизм сыграл определённую роль в сокрушении старого, средневекового мирозерцания, он в известной степени освободил научную мысль от оков схоластики и толкнул ее значительно вперед. Несмотря на свою ограниченность, гуманизм создал идейные предпосылки реформации. По традиционному выражению «Эразм положил яйцо, а Лютер высидел курицу»!
